

HONKY DORY

Еще в среду Коробок сказал, что в воскресенье надо бы пострелять. Мосинку попробовать, смит и вессон из австралийской полиции недавно пришел, sig sauer тоже запылился. Позвонили Виталику. Виталик у нас автомеханик. У него лик апостола Павла от Эль Греко, золотые руки, карабин и ящик патронов.

Апостол оказался на молитве. После службы, сказал, враз подъедет. Мосинка у него своя, нашу решили оставить. Часа через два приехал. Мы сложили guns в багажник, взяли штык и поехали. Поехали через дорогу к Вадику.

Вадик вышел быстро и сразу с винтовкой: жена его как раз отправила купить матрас. В прошлой жизни Вадик был узбекским авиатором, а тут пока работает таксистом. Он еще украинец по папе. Вадик сел, машина накренилась, и мы опять поехали.

Поехали до Федора. Федор спал. У Феди наркоманский район, кругом одни мавры. Мы на полицейской тачке, я в черных очках, а Вадик вообще на переодетого копа похож. И апостол с нами.

Подъезжаем. У соседней двери черный мерс с тонированными стеклами. Выходит Федор. Лицо у Феди доброе и немного кривое. Такими террористов на русском интернете показывают, в лыжных шапочках. Федя бережно несет картон для мишени и пригоршню кнопок. Потом все запихиваются на заднее сиденье моего форда, и мы опять едем. Едем до Вовы.

Вова тем же часом едет навстречу. Авиатор на телефоне, руководит навигацией.

Попутно выясняется, что виталикова мосинка у Вовы. Без штыка. У Вовы же хранится карабин, а еще у Вовы пространственный идиотизм и его нельзя волновать в дороге. Поэтому мы подъезжаем к автомобильной свалке и тихо встаем у забора. Ждем Вову.

Мимо медленно проезжают с баулами на велосипеде наркоманы, которые живут рядом с Федором. Наркоманы напряженно смотрят на дорогу. Думают, что мы копы. Узбекский авиатор энергично расхаживает перед забором в темных очках. Потом выходит на проезжую часть и делает фигуры туловищем. Рядом встает Федя с рукой козырьком, как Илья Муромец у Васнецова. Вдали показывается грязный красный вэн. В вэне сидит рыжий Вова с лисьим лицом.

– Поедем на автобусе, – командует апостол.

Оставлять форд возле свалки нельзя, так что едем назад к Федору. Дорогой оказывается, что ничего ж не взяли выпить, поэтому заезжаем кстати за бухлом, и, чтоб два раза не вставать, в супермаркет. Там по сходной цене продаются куриные ноги.

Вадик идет за ногами, Виталик за вилками, Федор с советами.
Потом все заваливаются в Вовин автобус и мы начинаем ехать в лес.
День жаркий, кондер не работает, куриные ноги смердят на всю округу.
– У нас м-мало еды, – внезапно вскрикивает узбекский авиатор.
– Что, б-будем голодать?

Его успокаивают. Виски-то две банки. Мы ж не кушать едем.

По дороге слушаем блатной шансон и разговариваем о политической обстановке навукраине. Пару раз Вадик предлагает остановиться и проверить, как там курица. Вову осторожно выспрашивают, долго ли еще. Вова и сам не знает.
– А в-вот если б нам п-прям счас выпить, – начинает Вадик.

Потом появляется снег, потом пропадает, потом дорога долго идет зигзагами, и наконец мы подъезжаем к ржавым воротам в лесу посреди бескрайних грязей. Ворота открыты. Вова стоит.

– Это не те ворота, – с тоской говорит Вова. – Те должны быть закрыты. А ну, что там написано?

– Do not block the entrance, – читаю я.
– Точно не те, – обреченно повторяет рыжий. – Там через забор надо лезть.
Заезжаем по грязи в гору. Слева тут же оказывается молодой человек перед обрезом с оптикой на треноге. Отрок тщательно прицеливается и, дождавшись нашего приближения, стреляет поперек дороги. Потом достает армейский бинокль и вглядывается вдали.
– Больной, – думаю я.
– Вовин племянник, – бормочет сзади апостол.
– Сюда в середину вставай, – говорит Федор, указывая на просторную лужу.

По металлу не стреляй, рикошетит. Приклад к плечу прижимай, а то синяк будет. Вухи, кому дороги... Наушники были у нас да у Игорька с треногой. Когда фотографировались, лисий Вова прятался за деревом.

– А в-вот д-давайте все скинемся, – радостно объявил авиатор после четвертой, – и к-купим калаша?
– Он все равно ненастоящий, говорит Вова. – Single shots только. Дрянь.
– Купите мой CZ, неожиданно встревает Игорек. – Недорого.
Апостол разлил.

На обратной дороге Вова погнался за Игорьком, и мы два раза чуть не перевернулись. Потом Игорек унесся, а мы долго еще висели на хвостах у добрых американских людей.

– А у меня жена помирает, – сказал неожиданно Федор. – Тридцать лет ей. Но...
Ло-пус. Болезнь такая, знаешь?
– А ты брось ее, предложил Вадик. – Бросай, раз не твое, бесполезно это.
– Куда ж я ее брошу, сказал Федор и заплакал.

Тут все пылко заговорили о национальном самосознании украинцев. Потому что жена у Федора давно ушла к какому-то арабу с яхтами и бронированными дверями. Заболела и ушла. А он все равно ее любит.

Раньше, когда у Федора был черный джип, он однажды погнался на нем за гремучками. И догнал довольно-таки многих. А последняя гремучка попалась такая хитрая. Она увлекла Федора в реку и джип утонул. Федя так расстроился, что когда в высокогорную пустыню за триста миль приехал буксировщик, менты и охрана природы, он плюнул и отказался от джипа.

Апостол тогда сказал, что это зеленый змий все подстроил, в назидание, и Федор с ним полгода не разговаривал. Потом забыл. Карт Федор в доме тоже больше не держит, нельзя ему. Он ведь шпилевой был. И оружия в хате нет. Эх, всего не расскажешь.

Поздно ночью, когда я вышла вынести мусор, из темноты за помойкой раздался счастливый голос:

– Т-ты т-только не в-волнуйся! Ш-штык у меня!

Это был узбекский авиатор с папой. Папа привез их с апостолом за виталиковой тачкой и куриными ногами, которые стрелковое общество забыло в моем багажнике.

Апостол еще мог сидеть и разговаривал очень медленно и значительно.

– Ты не подумай, – сказал он, принимая пакет с ногами и аккуратно помещая его на руле. – Ты не думай, у меня дома есть хорошие стаканы.

– Б-быстрей давай п-поехали, – торопил Вадик. – Нам же еще к-ко мне, з-за в-велосипедом.